

The Media Image of Artificial Intelligence in the Mass Political Imagination: Between the "Smart State" and the "Digital Leviathan"

D. A. Belyaev¹

¹Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2026-3-266-277

Research article
Full text in Russian

The article examines the media image of artificial intelligence as a significant element of the mass political imagination in the digital age. Its aim is to provide a political-science interpretation of the discursive frames through which AI becomes an object of public legitimation or criticism in the context of transformations in public administration, sovereignty, and civic autonomy. Methodologically, the study relies on political discourse analysis, frame analysis, and a conceptual interpretation of contemporary scholarship on algorithmic governance, public legitimacy, datafication, mediatization, and sociotechnical imaginaries. The article argues that, in contemporary public discourse, AI is primarily framed through two competing images: the "smart state" and the "digital Leviathan". The former associates AI with service efficiency, convenience, and managerial rationalization, whereas the latter foregrounds the opacity of digital power, asymmetries of data, hidden selection, and deficits of accountability. It is shown that the political significance of AI is determined less by its technical characteristics than by the normative regimes through which it is publicly interpreted. The article concludes that the legitimacy of digital governance depends on institutional limits placed on algorithmic power, clearly identifiable responsibility, procedural fairness, explainability, and the right to contest automated decisions.

Keywords: artificial intelligence; media image; mass political imagination; digital governance; algorithmic legitimacy; smart state; digital Leviathan

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Belyaev, Dmitriy A. | E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com
D. Sc. (Philosophy)

For citation: Belyaev D. A. The Media Image of Artificial Intelligence in the Mass Political Imagination: Between the "Smart State" and the "Digital Leviathan" // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2026. Vol. 12, No. 3. P. 266-277. (in Russ.)

Медиаобраз искусственного интеллекта в массовом политическом воображении: между «умным государством» и «цифровым Левиафаном» Д. А. Беляев¹

¹Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского,
Липецк, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2026-3-266-277
УДК 32:004.8

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье исследуется медиаобраз искусственного интеллекта как значимый элемент массового политического воображения цифровой эпохи. Цель работы состоит в политологической интерпретации тех дискурсивных рамок, через которые ИИ становится объектом публичной легитимации или критики в контексте трансформации государственного управления, суверенитета и гражданской автономии. Методологическую основу исследования составляют политико-дискурсивный анализ, рамочный анализ и концептуальная интерпретация современных работ по проблемам алгоритмического управления, публичной легитимности, датафикации, медиатизации и социотехнических воображаемых. Показано, что в публичной сфере искусственный интеллект стабилизируется прежде всего в двух конкурирующих образах: «умного государства» и «цифрового Левиафана». Первый связывает ИИ с сервисностью, эффективностью и управленческой рационализацией, второй – с непрозрачностью цифровой власти, асимметрией данных, рисками скрытой селекции и дефицитом подотчётности. Обосновывается, что политическое значение ИИ определяется не столько его техническими параметрами, сколько нормативными режимами его общественной интерпретации. Делается вывод, что легитимность цифрового управления зависит от институционального ограничения алгоритмической власти, сохранения различной ответственности, процедурной справедливости, объяснимости решений и права на их оспаривание.

Ключевые слова: искусственный интеллект; медиаобраз; массовое политическое воображение; цифровое управление; алгоритмическая легитимность; умное государство; цифровой Левиафан

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляев, Дмитрий Анатольевич

E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

Доктор философских наук, профессор кафедры философии, политологии и теологии

Для цитирования: Беляев Д. А. Медиаобраз искусственного интеллекта в массовом политическом воображении: между «умным государством» и «цифровым Левиафаном» // Социальные и гуманитарные знания. 2026. Том 12, № 3. С. 266-277.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) в политически значимой публичной сфере давно перестал быть лишь обозначением определённого класса вычислительных технологий. Вокруг него складывается особый символический контур, в котором обсуждаются пределы государственного вмешательства, допустимые формы цифрового надзора,

© ЯРГУ, 2026

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

критерии справедливости автоматизированных решений и сама судьба политической субъектности в условиях платформенного общества. Для массового политического воображения ИИ важен не только как технический инструмент, но и как медиум современной политики: через него публичная коммуникация переводит сложные институциональные изменения в язык образов, обещаний, опасений и нормативных ожиданий. Как показали С. Натале и А. Баллаторе, в публичном дискурсе об ИИ действует «риторическое использование будущего», которое «воображает, что нынешние недостатки и ограничения вскоре будут преодолены» [1, р. 5]. В связи с этим анализ ИИ в политологической перспективе требует выхода за пределы технократического описания и обращения к тому, как он становится предметом легитимации, критики и борьбы за интерпретацию будущего политического порядка.

Эта исследовательская оптика укоренена в более широком повороте к проблематике датафикации. Как показывает С. Ливингстон, цифровая медиасреда меняет не только способы распространения информации, но и сами основания власти над аудиторией: публика оказывается источником метаданных и предиктивных профилей, на основе которых выстраиваются новые формы знания и контроля [2, р. 170–174]. В таком контексте ИИ следует рассматривать как часть инфраструктуры, перерабатывающей повседневное поведение в управленчески значимую информацию. Отсюда вытекает и политологическая значимость темы: вопрос заключается уже не в том, «насколько совершенен» алгоритм, а в том, какие режимы видимости, классификации и вмешательства он делает нормальными для государства, корпораций и самой публичной сферы.

К этой предметной оптике примыкает исследовательская литература об алгоритмическом управлении, где цифровые системы интерпретируются как особая форма социального упорядочивания. К. Каценбах и Л. Ульбрихт показали, что алгоритмическое управление действует не только через формальные политические решения, но и через встраивание вычислительных процедур в повседневные организационные и коммуникационные процессы [3]. Такой подход особенно важен для политической теории, поскольку он позволяет увидеть: власть в цифровую эпоху всё чаще осуществляется не исключительно через явный приказ, правовую норму или публично артикулированную программу, а через архитектуру интерфейсов, режимы сортировки, ранжирования и автоматизированного выбора. Именно на этом уровне медиальный образ ИИ получает «политическую плотность», начиная обозначать новую форму организации отношений между гражданином, институтом и инфраструктурой.

Существенную часть современной дискуссии составляет проблематика публичной подотчётности. М. Бусуйок, анализируя алгоритмы в административном государстве, убедительно показывает, что обещания эффективности и нейтральности сопровождаются переносом ответственности в непрозрачные зоны между разработчиком, ведомством, подрядчиком и самой системой [4]. Вследствие этого меняется сама структура подотчётности: формально решение может оставаться государственным, но фактически его основания рассеиваются внутри сложного технического контура. Для политологического анализа здесь важно не только юридическое измерение проблемы, но и символическое: чем менее различим субъект ответственности, тем легче медиадискурс смещает разговор от политической оценки к риторике «технической неизбежности». Между тем подобная деполитизация не устраняет конфликт, а лишь переводит его в латентную форму, где доверие к власти начинает зависеть от доверия к цифровой процедуре.

Именно поэтому в новейших исследованиях на первый план выходит категория легитимности. С. Гриммелихёйсен и А. Мейер предлагают рассматривать алгоритмическое государство через угрозы входной, процедурной и результативной легитимности: алгоритмы могут ослаблять связь между демократическим мандатом и административным действием, затемнять сам процесс принятия решений и одновременно подменять публичные ценности языком эффективности [5]. В смежной логике К. Мартин и А. Уолдман показывают, что восприятие легитимности алгоритмических решений определяется не одной лишь результативностью: уведомления и формальные декларации сами по себе не создают ощущения справедливости, тогда как возможность апелляции и оспаривания оказывается существенно более значимой [6]. Для заявленной темы это принципиально, т. к. медиапозитивный образ ИИ устойчив лишь до тех пор, пока эффективность не вступает в очевидное противоречие с доступностью возражения, правом на объяснение и представлением о справедливой процедуре.

Исследования человеческо-алгоритмического взаимодействия в публичном секторе дополнительно усложняют расхожую формулу о «машинной беспристрастности». С. Алон-Баркат и М. Бусуйок, изучая использование алгоритмического совета в государственном принятии решений, показывают, что взаимодействие человека и системы подвержено не линейной логике замещения, а более сложным эффектам избирательного следования и контекстной зависимости [7]. Ещё важнее результаты последующего исследования авторов, в котором утверждается, что граждане не склонны автоматически освобождать государственные организации от ответственности лишь потому, что дискриминационный результат произведён алгоритмом; однако передача разработки внешнему подрядчику меняет характер приписывания ответственности и создаёт новые дефициты подотчётности [8]. Следовательно, политическая проблема заключается в конфигурации делегирования, контроля и возможности установить, кто именно должен отвечать за последствия цифрового решения.

Новый виток дискуссии связан с распространением генеративных моделей, которые радикально расширили медийную заметность ИИ. В этой связи А. Таеихаг справедливо подчёркивает, что управление генеративным ИИ уже нельзя сводить к сугубо технической регуляции: речь идёт о совокупности правовых, организационных, политических и социальных вызовов, требующих адаптивных и инклюзивных форм управления [9]. М. Янссен, в свою очередь, предлагает рассматривать генеративный ИИ как сложную адаптивную систему, в которой технологии, данные, люди, процедуры и институциональные нормы коэволюционируют, а потому не поддаются контролю в рамках жёстких и узко инструментальных моделей [10]. Такая перспектива особенно продуктивна для политической теории, поскольку выводит анализ за пределы вопроса о «полезности инструмента» и помещает его в поле обсуждения общественных ожиданий, публичных ценностей и совместной ответственности.

В этом же русле показательно исследование Я. Мишич, Р. ван Эста и Л. Кул, где предлагается соединить административную и этическую литературу вокруг семи ключевых ценностей управления публичным ИИ: отзывчивости, эффективности, процедурной справедливости, устойчивости, сдержек и противовесов, благополучия и социальной справедливости [11]. Важность этой работы состоит в том, что она смещает акцент с технократического вопроса «что система умеет?» на политико-нормативный вопрос «какой общественный порядок она поддерживает или разрушает?». Для темы медиаобраза ИИ это имеет прямое значение: публичная репрезентация технологии всегда в скрытом виде содержит ответ на вопрос о том, какие ценности бу-

дуг считаются приоритетными: скорость и удобство либо справедливость и контролируемость, бесшовность сервиса либо право на несогласие.

Если литература по управлению и подотчётности раскрывает институциональное измерение проблемы, то медиаисследования объясняют, каким образом эти конфликты становятся массово различимыми. Д. Нгуен и Э. Хекман, анализируя международно влиятельные медиа, показывают, что новостное фреймирование ИИ по мере времени становится всё более критическим и всё чаще связывает технологию с рисками слежки, предвзятости, киберугроз и дезинформации [12]. На этом фоне работа С. Х. Кесслер, Д. Маль, М. С. Шефера и С. К. Фольк важна тем, что фиксирует ещё одну симптоматичную черту: исследования коммуникации об ИИ быстро растут, однако по-прежнему сосредоточены преимущественно на репрезентациях и восприятии, тогда как производство, регулирование и институциональная организация ИИ-коммуникации изучены заметно слабее [13].

В российской политологической и социогуманитарной литературе искусственный интеллект все более отчетливо осмысливается в качестве фактора перестройки отношений между гражданином, государством и цифровой инфраструктурой. Так, С. Н. Федорченко рассматривает ИИ как элемент нового политического интерфейса, в котором цифровой аватар, алгоритмическое посредничество и автоматизированная селекция начинают влиять на опыт гражданского участия и на конфигурацию политической субъектности [14]. В близкой логике И. А. Быков анализирует цифровые платформы государственного управления как элементы национальных публичных коммуникаций, фиксируя переход от линейной административной коммуникации к платформенно организованным контурам обмена данными и управленческого воздействия [15].

Социальные последствия этой трансформации акцентированы в работе В. А. Цвык и И. В. Цвык, где развитие и применение ИИ рассматриваются через призму новых неравенств, рисков контроля, трансформации труда и изменения границ человеческой автономии [16]. На уровне собственно медийных исследований важны работы, фиксирующие, во-первых, институциональные и профессиональные практики внедрения ИИ в российские медиа и журналистику [17], во-вторых, способы концептуализации ИИ в российском медийном дискурсе, где он предстает как сложный понятийно-образный конструкт [18], и, в-третьих, устойчивые стратегии его репрезентации в СМИ – через фигуры эксперта, помощника, угрозы, технологического прорыва или управляемого инструмента [19]. В смежной логике О. И. Северская и Е. В. Туркина показывают, что в медиадискурсе ИИ получает свойства квазисубъекта – «сильного», «слабого» или «персонального» актора, что способствует его символической персонификации [20]. О. В. Гончарова, А. В. Липатова и Г. В. Напреенко, анализируя новостные Telegram-каналы, фиксируют преобладание нейтрально-позитивной тональности и доминирование метафоры ИИ как «помощника», хотя рядом с этим сохраняется мотив необходимости контроля [21]. Наконец, в политико-коммуникационном измерении российские авторы все настойчивее подчеркивают риски непрозрачности, манипулятивного воздействия, подрыва доверия и перестройки самой системы социально-политических коммуникаций под влиянием ИИ и нейросетевых алгоритмов [22]. Вместе с тем именно связь между этими медиальными репрезентациями, массовым политическим воображением и легитимацией цифровой власти пока остается описанной лишь фрагментарно.

Особое значение для концептуализации заявленной темы имеют исследования социотехнически воображаемого, которое можно определить как «публично скон-

струированные видения (не)желательных социотехнических будущих, которые направляют действие, мобилизуют ресурсы и задают траектории их материализации или предотвращения» [23, р. 1270]. Авторы предлагают рассматривать публичную коммуникацию в качестве пространства производства коллективных видений желаемых и нежелательных технологических будущих [23]. В таком ракурсе фреймы, нарративы и дискурсы приобретают статус механизмов мобилизации, легитимации и ориентации действия. Эмпирически близкий результат получают В. Ван и Дж. Дауни, показавшие, что газетные репрезентации генеративного ИИ распределяются между утопическими и дистопическими регистрами не хаотично, а в соответствии с национально-специфическими политико-культурными контекстами [24].

Наконец, сама метафора «цифрового Левиафана» предложена Т. Тильманном и К. Борбахом на пересечении политической философии, медиатеории и критических AI- и data studies [25]. Её аналитическая ценность заключается в способности схватить парадокс цифрового суверенитета: обещание усилить управляемость и вернуть контроль над данными почти неизбежно сопряжено с расширением технических возможностей наблюдения, классификации и централизации. В таком свете «цифровой Левиафан» – это способ обозначить ту точку, где модернизационный дискурс начинает превращаться в дискурс допустимого изъятия автономии ради безопасности, эффективности или предсказуемости.

Таким образом, актуальная литература демонстрирует одновременно и высокую степень разработанности темы, и её дисциплинарную расщеплённость. Так, в этом корпусе недостаточно разработан политологический вопрос о том, как именно медиаобраз ИИ становится механизмом формирования нормативных представлений о допустимом соотношении сервисности и контроля, эффективности и справедливости, технологической рациональности и гражданской автономии.

Эвристическая новизна статьи состоит в интеграции исследований алгоритмического управления, легитимности и медиафрейминга в единую политико-интерпретативную модель анализа ИИ. Рабочая гипотеза состоит в том, что в массовом политическом воображении ИИ стабилизируется в виде двух предельных, но взаимосвязанных рамок: «умного государства» и «цифрового Левиафана». Первая переводит цифровизацию в язык помощи, удобства, предсказуемости и управленческой компетентности; вторая – в язык непрозрачности, асимметрии данных, автоматизированного неравенства и угрозы неаппелируемой власти. Эти рамки следует понимать как формы политической интерпретации, через которые общество распознаёт границы приемлемого цифрового будущего.

Исходя из этого, цель статьи состоит в политологической интерпретации медиаобраза искусственного интеллекта как механизма производства и перераспределения легитимности в массовом политическом воображении. При этом речь идёт не об исчерпывающем описании всех репрезентаций ИИ, а о двух предельных аналитических типах, между которыми распределяются и комбинируются более частные публичные образы.

Методы

Исследование имеет концептуально-теоретический характер и направлено на политологическую реконструкцию тех интерпретационных рамок, в которых искусственный интеллект приобретает статус значимого публичного объекта.

Основу методологического дизайна составляет сочетание политико-дискурсивного и рамочного анализа. Первый позволяет рассматривать высказывания об ИИ

как элементы более широких структур легитимации, через которые формируются представления о рациональности управления, подотчётности и справедливости цифровых решений. Второй дает возможность выделить устойчивые интерпретационные схемы, организующие массовое восприятие ИИ не как набора технических решений, а как политически нагруженного феномена. В данном исследовании такими рамками выступают «умное государство» и «цифровой Левиафан», понимаемые как предельные, но эмпирически пересекающиеся способы публичной интерпретации цифрового управления.

Дополнительно используется метод концептуального анализа, необходимый для разведения близких, но не тождественных понятий: цифровизация государства, алгоритмическое управление, датафикация, автоматизированное принятие решений, медиатизация ИИ, легитимность цифровой власти. Такой ход принципиален, поскольку значительная часть публичных и даже академических дискуссий о политической роли ИИ строится на подмене одного уровня анализа другим: техническая эффективность смешивается с институциональной рациональностью, а сервисное удобство – с политической легитимностью. Концептуальный анализ позволяет избежать этой редукции и показать, что медиаобраз ИИ функционирует как особый механизм перевода технологических процессов в язык нормативных ожиданий.

Источниковую базу исследования составляет вторичный анализ релевантных научных работ, посвящённых медиарепрезентациям ИИ, восприятию алгоритмических решений, проблемам подотчётности и публичной легитимности автоматизированного управления. Такой подход позволяет не дублировать уже выполненные эмпирические измерения, а использовать их результаты для политологической интерпретации медиаобраза ИИ как механизма формирования нормативных представлений о цифровой власти. Особое значение имеют работы, фиксирующие динамику медийного фрейминга ИИ, его включение в социотехнические воображаемые, а также исследования, показывающие зависимость восприятия алгоритмических решений от процедурных гарантий, прежде всего объяснимости и возможности апелляции [6; 12; 23].

Наконец, исследование исходит из принципа контекстуальности, т.е. отдельные высказывания об ИИ интерпретируются в связи с более широкими дискурсами о цифровом суверенитете, платформенной власти, кризисе доверия и трансформации публичной сферы. Это позволяет рассматривать медиаобраз ИИ как симптом более глубоких изменений в политическом воображении современности. Тем самым методологическая конструкция статьи ориентирована на выявление тех нормативно-политических логик, через которые общество осмысляет расширение алгоритмического управления и вырабатывает критерии его принятия либо отторжения.

Результаты

Проведённая теоретическая реконструкция позволяет показать, что в современном публичном дискурсе ИИ осмысляется как политически нагруженный медиаконструкт. Его значение формируется в связи с темами эффективности управления, прозрачности процедур, допустимых форм контроля, распределения ответственности и границ гражданской автономии. Тем самым ИИ в массовом политическом воображении выступает одной из ключевых фигур осмысления современной цифровой власти [2; 3].

Именно в этом контексте закрепляется образ «умного государства» [26]. Его устойчивость объясняется тем, что цифровизация публичного управления почти всегда предъявляется обществу в модальности очевидной пользы. Речь идёт не о больших философских обещаниях, а о риторике облегчения повседневной жизни: быстрее получить услугу, точнее обработать запрос, раньше увидеть проблему и эффективнее распределить ресурсы. В такой оптике ИИ оказывается почти естественным продолжением административного здравого смысла. Он символизирует не столько разрыв с прежними формами управления, сколько их якобы логичное усовершенствование. Именно поэтому медиадискурс столь охотно наделяет ИИ качествами помощника, навигатора, ассистента, советника, а цифровое государство – чертами удобного интерфейса, который не требует от гражданина усилия понимания, а обещает минимизировать его необходимость.

Однако за этой внешней нейтральностью скрывается заметная политическая перестройка. По мере того, как государство начинает описываться прежде всего как сервисная система, гражданин всё чаще мыслится не как участник публичного процесса, а как пользователь цифровой инфраструктуры, для которого важны скорость, доступность и предсказуемость результата. Вследствие этого акцент постепенно смещается с участия и представительства на удобство и качество цифрового взаимодействия. Сервисная логика тем самым не только сопровождает цифровизацию государства, но и меняет сам язык описания публичной связи между институтом и гражданином [11].

Сервисизация цифрового государства сопровождается и изменением логики легитимации. Если ранее управленческое решение в большей степени связывалось с процедурой, ответственным субъектом и публичным обоснованием, то в цифровом контексте всё более значимой становится демонстрация вычислительной эффективности. Алгоритмическая точность, способность к прогнозированию и сокращение человеческой ошибки начинают восприниматься как самостоятельные аргументы в пользу правомерности решения. Однако именно в этой точке возникает политически значимое смещение: технологическая компетентность частично подменяет собой публичное объяснение, а конфликт интересов и ценностей скрывается за риторикой технической необходимости [5; 9].

Впрочем, медиальная привлекательность «умного государства» изначально содержит в себе и возможность обратного прочтения. Чем активнее ИИ описывается как система, которая способна распознавать, предсказывать, фильтровать и адаптировать управление к индивидуальному профилю, тем неизбежнее возникает вопрос о том, кому именно становится доступно это новое знание о человеке и кто получает право действовать на его основе. Соответственно, сервисная рамка не исчезает, но всё чаще соседствует с языком риска, наблюдения и информационной уязвимости [12]. Там, где сервисный нарратив подчёркивает удобство, критическое восприятие замечает асимметрию; там, где политическая риторика говорит об эффективности, массовое воображение начинает различать возможность усиленного наблюдения и невидимой сортировки. Иначе говоря, образ «умного государства» не исчезает, а постепенно наталкивается на собственный предел: он остаётся убедительным лишь до тех пор, пока цифровое посредничество не воспринимается как вмешательство в автономию и не кажется источником одностороннего преимущества для тех, кто располагает данными и инструментарием их обработки [23].

Так возникает противоположный, но не внешний по отношению к первому образ – «цифровой Левиафан». Его смысл состоит не в простой демонизации технологий

и не в эмоциональном отказе от цифровизации как таковой. Напротив, этот образ появляется именно там, где общество начинает воспринимать ИИ как посредника между собой и властью, посредника, логика действия которого не поддается привычной политической верификации. В таком ракурсе опасность связывается не столько с наличием технологии, сколько с изменением режима видимости. Решение принимается, воздействие совершается, классификация осуществляется, но критерии их вынесения остаются для затронутого субъекта частично или полностью непрозрачными. В результате цифровое управление начинает ассоциироваться не с устранением произвола, а с его новой, более трудно распознаваемой формой. Именно поэтому метафора «цифрового Левиафана» фиксирует переход от образа государства как сервиса к образу государства как инфраструктуры асимметричного знания и трудно ограничиваемого вмешательства [25].

Наиболее чувствительным узлом этой трансформации становится вопрос о справедливости и апеллируемости решения. Массовое сознание редко располагает техническим языком для оценки алгоритмов, но оно очень точно реагирует на наличие или отсутствие возможности возражения. Там, где субъект сталкивается с неблагоприятным исходом и не понимает, по каким основаниям он был получен, подозрение к ИИ растёт значительно быстрее, чем в ситуациях, где решение сопровождается ясной процедурой, понятным адресатом ответственности и возможностью пересмотра. В этом смысле восприятие алгоритмической власти оказывается не столько следствием «страха перед машиной», сколько следствием дефицита процедурной справедливости. В этом отношении особенно точна формулировка М. Бусуйок: «прозрачность – весьма необходимое, но недостаточное условие подотчётности» [4, р. 830]. Следовательно, политическая приемлемость ИИ зависит не от самого факта раскрытия информации о системе, а от наличия процедур объяснения, адресуемой ответственности и реального механизма возражения. Напротив, право на апелляцию, объяснимость и различимость инстанции, ответственной за итог, оказываются ключевыми условиями общественной приемлемости цифрового решения [6].

Именно здесь особенно заметно, как меняется структура политической ответственности. В традиционном представлении об административном пространстве решение соотносится с более или менее различимым субъектом: ведомством, должностным лицом, комиссией, судом. В алгоритмически насыщенном управлении эта цепочка распадается на множество промежуточных звеньев: разработчик модели, поставщик данных, интерфейс, организационный регламент, автоматизированный модуль оценки и т. д. На уровне массового политического восприятия такое расслоение производит парадоксальный эффект. С одной стороны, власть выглядит более безличной и потому более сильной: спорить приходится уже не с конкретным лицом, а с системой, решение которой представляется технически произведённым и потому как будто менее подверженным пересмотру. С другой стороны, сама публичная организация получает возможность частично рассеивать ответственность, отсылая к «ошибке алгоритма» или особенностям цифровой процедуры. Между тем эмпирические исследования показывают, что граждане не склонны полностью снимать ответственность с публичных институтов даже тогда, когда дискриминационный или несправедливый исход связывается с алгоритмом [4; 8]. Это означает, что цифровизация не устраняет политический вопрос об ответчике, а лишь делает его значительно более конфликтным и менее прозрачным.

Через эту проблематику по-новому раскрывается и тема суверенитета. В благожелательном медиаполитическом прочтении ИИ усиливает государство, делая

его более независимым, предиктивным и способным к координации сложных процессов. Суверенность тогда понимается как технологическая оснащённость управления, как способность государства не отставать от скорости цифрового мира и не уступать контроль над общественными процессами внешним платформам и частным корпорациям. Но та же логика легко переходит в иное измерение. Усиление вычислительных возможностей государства, расширение массивов собираемых данных и рост инфраструктурной зависимости граждан от цифровых интерфейсов могут интерпретироваться уже не как защита политической автономии, а как внутреннее расширение самой власти. Тогда цифровой суверенитет начинает восприниматься амбивалентно: он обещает защиту от внешних центров влияния, но одновременно создаёт условия для более плотного внутреннего контроля. Отсюда и напряжение, характерное для современного медиаобраза ИИ: государство выглядит сильнее, но именно поэтому встаёт вопрос, какими средствами и в каких пределах оно должно быть ограничено [9].

При этом принципиально важно, что «умное государство» и «цифровой Левиафан» не существуют в массовом воображении как две неподвижные и полностью разведённые сущности. Между ними постоянно происходит перетекание смыслов. Один и тот же цифровой механизм может в одном контексте восприниматься как средство рационализации и снижения произвола, а в другом – как инструмент скрытой селекции и несправедливого исключения. На фоне спокойной повестки и успешной сервисной коммуникации доминирует язык модернизации; в ситуации скандала, ошибки или утраты видимости критериев быстро активируется тревожная интерпретация. Поэтому медиаполитическая борьба вокруг ИИ разворачивается не между «сторонниками» и «противниками» технологии как таковой, а вокруг рамки нормальности: что именно общество готово признать разумной цифровой властью и в какой момент эта разумность начинает выглядеть как эвфемизм нового контроля [24].

Заключение

Проведённая политико-теоретическая реконструкция показывает, что медиаобраз искусственного интеллекта выступает значимым символическим оформлением цифровой власти в современной публичной сфере. Конкуренция образов «умного государства» и «цифрового Левиафана» выражает не простое столкновение технооптимистической и алармистской риторики, а более глубокое напряжение между двумя нормативными моделями легитимации цифрового управления. В первом случае источником доверия становится сервисность, скорость и управленческая результативность; во втором на первый план выходят подотчётность, справедливость процедуры, различимость ответственного субъекта и возможность оспаривания решения.

Тем самым политическая проблема ИИ сводится не к вопросу о степени технического совершенства алгоритмов как таковых, а к тому, какие основания доверия они институционально поддерживают, а какие – вытесняют. Сервисная рациональность цифрового государства действительно способна повышать эффективность взаимодействия гражданина с институтами, однако она не является политически нейтральной, поскольку сопровождается смещением акцента с участия и представительства на удобство и предсказуемость пользовательского опыта. В этой точке и обнаруживается предел модернизационного нарратива: технологическая компетентность не может служить достаточной заменой политической легитимности.

Отсюда следует, что общественная приемлемость цифрового управления зависит не только от его результативности, но и прежде всего от институциональной конфигурации его ограничений. Решающими условиями здесь выступают сохранение ясно определённой ответственности публичного института, наличие процедур объяснения и пересмотра решений, право на апелляцию, а также возможность человеческого вмешательства в социально чувствительных сферах. Без этих условий даже успешная цифровизация остаётся политически уязвимой и может быть переинтерпретирована как форма непрозрачного расширения власти.

Таким образом, ключевой вопрос состоит не в выборе между безусловным принятием или безусловным отрицанием ИИ, а в определении тех нормативных и институциональных рамок, в которых цифровое управление сохраняет подотчётный, оспоримый и политически различимый характер. Именно в зависимости от этих рамок искусственный интеллект будет закрепляться в массовом политическом воображении либо как инструмент разумной координации, либо как знак нового, технологически опосредованного контроля.

Ссылки

1. Natale S., Ballatore A. *Imagining the Thinking Machine: Technological Myths and the Rise of Artificial Intelligence* // *Convergence*. 2020. Vol. 26, No. 1. P. 3–18. DOI 10.1177/1354856517715164.
2. Livingstone S. *Audiences in an Age of Datafication: Critical Questions for Media Research* // *Television & New Media*. 2019. Vol. 20, No. 2. P. 170–183. DOI 10.1177/1527476418811118.
3. Katzenbach C., Ulbricht L. *Algorithmic Governance* // *Internet Policy Review*. 2019. Vol. 8, No. 4. P. 1–18. DOI 10.14763/2019.4.1424.
4. Busuioc M. *Accountable Artificial Intelligence: Holding Algorithms to Account* // *Public Administration Review*. 2021. Vol. 81, No. 5. P. 825–836. DOI 10.1111/puar.13293.
5. Grimmelihijsen S., Meijer A. *Legitimacy of Algorithmic Decision-Making: Six Threats and the Need for a Calibrated Institutional Response* // *Perspectives on Public Management and Governance*. 2022. Vol. 5, No. 3. P. 232–242. DOI 10.1093/ppmgov/gvac008.
6. Martin K., Waldman A. *Are Algorithmic Decisions Legitimate? The Effect of Process and Outcomes on Perceptions of Legitimacy of AI Decisions* // *Journal of Business Ethics*. 2023. Vol. 183. P. 653–670. DOI 10.1007/s10551-021-05032-7.
7. Alon-Barkat S., Busuioc M. *Human-AI Interactions in Public Sector Decision Making: «Automation Bias» and «Selective Adherence» to Algorithmic Advice* // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2023. Vol. 33, No. 1. P. 153–169. DOI 10.1093/jopart/muac007.
8. *Algorithmic Discrimination in Public Service Provision: Understanding Citizens' Attribution of Responsibility for Human versus Algorithmic Discriminatory Outcomes* / S. Alon-Barkat, M. Busuioc, K. Schwoerer, K. S. Weißmüller // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2025. Vol. 35, No. 4. P. 469–488. DOI 10.1093/jopart/muaf024.
9. Taeihagh A. *Governance of Generative AI* // *Policy and Society*. 2025. Vol. 44, No. 1. P. 1–22. DOI 10.1093/polsoc/puaf001.
10. Janssen M. *Responsible Governance of Generative AI: Conceptualizing GenAI as Complex Adaptive Systems* // *Policy and Society*. 2025. Vol. 44, No. 1. P. 38–51. DOI 10.1093/polsoc/puae040.
11. Mišić J., van Est R., Kool L. *Good Governance of Public Sector AI: A Combined Value Framework for Good Order and a Good Society* // *AI and Ethics*. 2025. Vol. 5, No. 5. P. 4875–4889. DOI 10.1007/s43681-025-00751-3.
12. Nguyen D., Hekman E. *The News Framing of Artificial Intelligence: A Critical Exploration of How Media Discourses Make Sense of Automation* // *AI & Society*. 2024. Vol. 39, No. 2. P. 437–451. DOI 10.1007/s00146-022-01511-1.

13. All Eyez on AI: A Roadmap for Science Communication Research in the Age of Artificial Intelligence / S. H. Kessler, D. Mahl, M. S. Schäfer, S. C. Volk // *Journal of Science Communication*. 2025. Vol. 24, No. 2. Art. Y01. DOI 10.22323/2.24020401.
14. Федорченко С. Н. Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом // *Журнал политических исследований*. 2020. Т. 4, № 2. С. 34–57. DOI 10.12737/2587-6295-2020-34-57.
15. Быков И. А. Цифровые платформы государственного управления в системе национальных публичных коммуникаций // *Журнал политических исследований*. 2021. Т. 5, № 2. С. 45–56. DOI 10.12737/2587-6295-2021-5-2-45-56.
16. Цвык В. А., Цвык И. В. Социальные проблемы развития и применения искусственного интеллекта // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2022. Т. 22, № 1. С. 58–69. DOI 10.22363/2313-2272-2022-22-1-58-69.
17. Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике / С. Г. Давыдов, А. В. Замков, М. А. Крашенинникова, М. М. Лукина // *Вестник Московского университета*. Серия 10: Журналистика. 2023. Т. 48, № 5. С. 3–21. DOI 10.30547/vestnik.journ.5.2023.321.
18. Галичкина Е. Н. Концептуализация искусственного интеллекта в российском медийном дискурсе // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2024. Т. 23, № 5. С. 124–137. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.5.10.
19. Пузанова Ж. В., Тertyшников А. Г., Павлова У. О. Технологический дискурс в российских СМИ: основные стратегии в репрезентации искусственного интеллекта // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2024. Т. 24, № 3. С. 747–763. DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-3-747-763.
20. Северская О. И., Туркина Е. В. Искусственный интеллект в современном медиадискурсе: сильный, слабый, персональный // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15, № 3. С. 74–80. DOI 10.18721/JHSS.15307.
21. Гончарова О. В., Липатова А. В., Напреенко Г. В. Медиаобраз феномена искусственный интеллект в новостных Telegram-каналах: сентимент-анализ и дискурсивная интерпретация // *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4, № 1. С. 43–52. DOI 10.21603/2782-4799-2025-4-1-43-52.
22. Володенков С. В., Федорченко С. Н., Печенкин Н. М. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2024. Т. 26, № 2. С. 406–424. DOI 10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424.
23. Sociotechnical Imaginaries and Public Communication: Analytical Framework and Empirical Illustration Using the Case of Artificial Intelligence / S. R. Brause, M. S. Schäfer, C. Katzenbach, Y. Mao, V. Richter, J. Zeng // *Convergence*. 2025. Vol. 31, No. 4. P. 1267–1287. DOI 10.1177/13548565251338192.
24. Wang W., Downey J. Mapping the Sociotechnical Imaginaries of Generative AI in UK, US, Chinese and Indian Newspapers // *Public Understanding of Science*. 2025. Vol. 34, No. 7. P. 930–948. DOI 10.1177/09636625251328518.
25. Thielmann T., Borbach C. The Digital Leviathan: Medializing Sovereignty for Critical AI and Data Studies // *Communication +1*. 2025. Vol. 11, No. 2. DOI 10.7275/cpo.3521.
26. Мухаметов Д. Р., Симонов К. В. «Умное государство»: перспективы внедрения цифровых технологий государственного управления в России // *Мир новой экономики*. 2021. Т. 15, № 3. С. 17–27. DOI 10.26794/2220-6469-2021-15-3-17-27.